

Г. К. ВЕРНЕР

РЕЛИКТОВЫЕ ПРИЗНАКИ АКТИВНОГО СТРОЯ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Светлой памяти Андрея Петровича Дульзона

Возросший интерес языковедов к енисейским языкам с их своеобразной структурой выдвигает в настоящее время на первый план наряду с другими вопрос об исконном строе предложения в енисейском праязыке (номинативный, эргативный или активный строй)¹. Решение этого вопроса будет способствовать уточнению места праенисейского в типологической и генеалогической классификациях языков Евразии, откроет новые возможности для сравнительно-типологических обобщений. Следует к тому же отметить, что успехи, достигнутые в изучении современных енисейских диалектов², особенно за истекшее десятилетие, и собранный во время полевых исследований огромный фактический материал делают постановку данного вопроса вполне возможной, хотя многие явления еще не нашли однозначного толкования.

Накопленные данные показывают, что в современном кетском эргативная конструкция как таковая отсутствует, но наблюдаются некоторые черты, которые в известной мере сближают этот язык с языками эргативного строя³.

Сходство кетского с языками эргативного строя наблюдается, например, в субъектно-объектном спряжении, однако при этом остаются неизменными (не склоняются) имена и местоимения, согласующиеся с глагольными формами в качестве субъекта действия (т. е. нет как такового эргативного падежа). По особенностям субъектно-объектного спряжения кетский сближается, с одной стороны, с языками типа ненецкого, о которых И. И. Мещанинов заметил, что они лишь приближаются по структуре глагольных форм к языкам эргативного строя⁴, а с другой — с языками типа абхазского и эламского⁵. Последние, хотя и не обнаруживают

¹ Возможность выделения данных трех целостных систем обоснована в статье: Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, ВЯ, 1972, 4.

² Следует особо выделить следующие исследования: К. В о u d a, Das kottische Verbum. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 2, «Deutsche Morgenländische Gesellschaft. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», 22, 4, Leipzig, 1937; его же, Die Sprache der Jenissejer, «Anthropos», 52, 1—2, 1957; А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск, 1968; Е. А. Крейнович, Глагол кетского языка, Л., 1968; «Кетский сборник. Лингвистика», М., 1968 (далее сокращенно — КСЛ); «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты», М., 1969, и др.

³ См.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Предисловие. Кеты, их язык, культура, история, КСЛ, стр. 10; М. Н. Валл, Употребление падежей в кетском языке. АКД, Новосибирск, 1970, стр. 5.

⁴ И. И. Мещанинов, Эргативная конструкция в языках различных типов, Л., 1967, стр. 50—51.

⁵ См.: А. С. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции, «Изв. ИЯИМК», XII, Тбилиси, 1942, стр. 223—224; Г. А. Климов, Кавказские языки, М., 1965, стр. 33; И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 104.

особого падежа у имени в роли субъекта переходного действия, все же признаются эргативными по особенности своего субъектно-объектного спряжения, а именно — по совпадению показателей субъекта при глаголе непереходной семантики с показателями объекта при глаголе переходной семантики (ср. в особенности факты абхазского языка)⁶. Возникает, однако, вопрос, можно ли в таком случае реконструировать эргативную конструкцию для более раннего этапа развития кетского или — шире — праенисейского языка, или же енисейские языки вообще не знали эргативной конструкции, и, следовательно, наблюдающиеся схождения с языками эргативного строя требуют иной интерпретации?

Большой интерес представляет в этом отношении точка зрения, согласно которой, кроме языков номинативного и эргативного строя, можно еще различать языки активного строя, являющиеся, по Г. А. Климову, «типологическими предшественниками языков выдержанного эргативного строя»⁷. Если учитывать архаический характер енисейского языкового типа, то подобная интерпретация кетских языковых фактов в историческом плане не исключается; ниже мы предпримем попытку истолковать схождения между кетским языком, с одной стороны, и языками эргативного строя, с другой, исходя именно из данной предпосылки⁸.

Как отмечается Г. А. Климовым, «...семантической детерминантой активного строя является противопоставление не субъектного и объектного начал (как это имеет место в языках эргативного и, по-видимому, номинативного строя), а активного и инактивного. В соответствии с этим структура названных языков специально ориентирована на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь лишь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами...»⁹. В кетском субъектно-объектные отношения, правда, нашли выражение в структуре глагольных словоформ, но наблюдается ряд особенностей, которые, как будет показано ниже, позволяют определять их как вторичные.

В свое время оживленную дискуссию вызвал вопрос об именной классификации и категории рода в кетском языке; учитывая последующие исследования исследователей в этой области¹⁰ и отвлекаясь от частных деталей, можно, на наш взгляд, сегодня констатировать, что наиболее древним противопоставлением имен, на котором основаны прочие именные классификации и которое наложило глубокий отпечаток на всю грамматическую систему кетского языка, было противопоставление активных (одушевленных) и инактивных (неодушевленных) имен¹¹. При этом следует, разумеется, учитывать, что данная классификация основывалась на представлениях древних енисейцев об окружающей их действительности. Общеизвестно, что в силу мировоззренческих представлений древнего человека некоторые объекты неживой природы, равно как и многие физические явления природы, рассматривались как живые существа, и это,

⁶ И. О. Гецадзе, К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 156—159; «Грамматика абхазского языка», Сухуми, 1968, стр. 77—87.

⁷ Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, стр. 3.

⁸ На возможность такой интерпретации фактов кетского языка в историческом плане обратил внимание автора Вяч. Вс. Иванов.

⁹ Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, стр. 4.

¹⁰ См. в особенности: В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, Об изучении имени в кетском, КСЛ, стр. 230—235; Е. А. Крейнович, О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка, там же, стр. 185—194; А. П. Дульзон, О древней центрально-азиатской языковой общности, «Труды Томск. ун-та», 197 — Вопросы русского языка и его говоров, 1968, стр. 178; И. Г. Вернер, Категории рода в кетском языке, АКД, Томск, 1972, стр. 14—15.

¹¹ Ср.: А. П. Дульзон, Кетский язык, стр. 62.

естественно, отразилось на классификации имен: некоторые имена, обозначающие объекты и явления неживой природы, относились тем не менее к одушевленным именам. Так, в кетском к одушевленным именам относятся наименования людей по самым различным признакам и свойствам (полу, родству, возрасту, профессии, положению в обществе и т. д.), божеств, духов, мифологических персонажей, а также личные имена и прозвища (клички) людей и животных; наименования представителей животного мира, включая подводный животный мир и мир насекомых; наименования некоторых частей тела (например: имб.¹² *та²ʔ*, сим. *та²ʔ* «палец»; имб. *ʔ*hy:, сим. *ʔ*fy: «сердце»; кет. *ма²* «женская грудь» и т. д.); подавляющее большинство наименований объектов растительного мира; наименования космических объектов и явлений природы (например: имб., *ʔ*ku'n, сим. *ʔ*xep «луна»; имб. *ʔ*ʔʔ, сим. *ʔ*xʔ:x «звезда»; имб. *ʔ*u, сим. *ʔ*u «солнце»; имб. *ʔ*ul'es, сим. *ʔ*yures «дождь»; кет. *ʔ*ul'git «вихрь» и т. д.); наименования некоторых кожных заболеваний (например: имб. *ʔ*ʔʔs'a, сим. *ʔ*ʔʔsɛj «болячка»; имб. *ʔ*ʔʔ'n, «бородавка», имб. *ʔ*s'ibax «фурункул»); наименования некоторых бытовых, хозяйственных и культовых предметов, а также наименования отдельных географических объектов (например, имб. *ʔ*ʔy:, сим. *ʔ*xuʔ:n «шесть для лодки»; имб. *ʔ*ʔʔʔʔ, *ʔ*ʔʔʔʔ, сим. *ʔ*xʔʔʔʔ:ʔ «жердь»; сим. *ʔ*ejkuʔʔ «икона», имб. *ʔ*bal'bes' «крест»; имб. *ʔ*ʔy'k, сим. *ʔ*xuk «Енисей») и т. д.)¹³.

Конечно, в современном кетском исконное противопоставление активных и пассивных имен осложнено некоторыми поздними инновациями, например, подразделением одушевленных имен на имена мужского и женского родов, смешением в ряде случаев показателей женского и вещного родов, но тем не менее оно выражено грамматически еще довольно четко. Важно, кстати, отметить, что это противопоставление нашло выражение — и, насколько позволяют судить факты, так было в кетском языке всегда, — не в структуре самих имен, а в различных грамматических показателях как самого имени, так и слов, согласующихся с ним. Следует особенно выделить следующие случаи, в которых отражено противопоставление одушевленный ~ неодушевленный:

1. В парадигме склонения имен (включая, конечно, и части речи, выступающие в функции существительных, кроме личных местоимений) во мн. числе одушевленные имена получают особые падежные показатели в род., дат., исходн., назначит. и местно-личн. падежах, в то время как неодушевленные имена сохраняют показатели, которые они получают в ед. числе¹⁴; ср.: сим. *ʔ*kaʔdaŋ «к человеку», *ʔ*ʔʔʔnaŋ «к людям», но: *ʔ*oksydiŋ «к палке», *ʔ*aʔdiŋ «к палкам».

2. В глагольных формах совпадают показатели неодушевленного объекта в ед. и мн. числах 3-го лица, при различных показателях одушевленного объекта, ср.: сим. *ʔ*di'pcaŋ «тащу это (одну вещь)», *ʔ*di'pcaŋ

¹² Сокращения: кет. — кетский, имб. — имбатский, сим. — симский. Транскрипция: e, ʔ, o — закрытые, ə, ʔ, ɔ — открытые гласные соответственно переднего, среднего и заднего рядов; ʔ — увулярный смычный; x — увулярный глухой, ʔ — увулярный звонкий спирант; ʔ — заднеязычный носовой сонант; (ː) — полудолгота, (ː) — долгота гласных. Слововые тоны и краткосложные акцентные типы обозначены цифровыми индексами.

¹³ См.: Е. А. Крейнович, Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке, ВЯ, 1961, 2, стр. 114—116; е г о ж е, О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка, стр. 185—194; И. Г. Вернер, Вопросы именной классификации в современных енисейских диалектах, «Уч. зап. [Омск. пед. ин-та]», 52 — Вопросы филологии, 1969, стр. 172—178.

¹⁴ Можно отметить и некоторые другие различия функционального характера между одушевленными и неодушевленными именами в парадигме склонения, ср. также отсутствие показателя неодушевленного объекта в императивных формах глагола.

«тащу их (много вещей)», но: ⁶*дигачаң* «тащу его (человека)», ³*ди:чаң* «тащу ее (женщину)», ⁶*даңачаң* «тащу их (людей)».

3. Предикативные аффиксы 3-го лица различны для ед. и мн. числа у слов, согласующихся с одушевленными именами, но совпадают у слов, согласующихся с неодушевленными именами, ср: ⁶*ахта²ду²* «он хороший», ⁶*ахта²да²* «она хорошая», *ах⁴тэ^h:н* «они (люди) хорошие», но: *ах²тэ²* «это (вещь) хорошее», *ах²тэ²* «они (вещи) хорошие».

4. В очень многих случаях при неодушевленном субъекте соответствующая глагольная форма либо вообще не имеет показателя субъекта, либо имеет таковой, но совпадающий с показателем неодушевленного объекта ¹⁵; ср.: ¹*о-и¹ра¹х* «он сгнил», ¹*б-и¹ра¹х* «это (вещь) сгнило»; ⁴*о^h:нтет¹* «он бил его», *ди¹-б-и¹нтет¹* «он бил это».

5. Как правило, одушевленные имена получают во мн. числе аффикс *-н*, а неодушевленные — аффикс *-н*, если выбор одного из них не обусловлен фонетическими условиями или семантическими факторами ¹⁶.

6. Счет одушевленных и неодушевленных предметов до пяти различен, так как это фактически предикативные формы, оформленные предикативными суффиксами — имб. *-аң*, сым. *-э:н* (для одушевленных), имб. *-ам*, сым. *-э* (для неодушевленных); но ср. также атрибутивные формы числительного «один» — имб. *кэк*, сым. *хэк* (перед одушевленным именем), имб. *кус¹*, сым. *хус* (перед неодушевленным именем).

7. На противопоставление одушевленный ~ неодушевленный указывает и ряд особенностей в системе местоимений, особенно тот факт, что среди личных местоимений 3-го лица нет заместителей неодушевленных имен: имеющиеся личные местоимения могут замещать лишь одушевленные имена ¹⁷.

Для кетского языка устанавливается в историческом плане и другая лексическая импликация, наблюдающаяся в языках активного строя, а именно — отсутствие как такового противопоставления глагольных лексем (основ) по признаку переходности ~ непереходности. В кетском образовании переходных и непереходных глагольных форм зависит не от семантики соответствующей основы, а от наличия или отсутствия объекта, на который направлено действие. Эта особенность и явилась основанием для выделения у кетского глагола грамматической категории переходности ~ непереходности ¹⁸. Вместе с тем, учитывая своеобразие глагольного формообразования, в особенности — описанную А. П. Дульзоном категорию рода процесса (формы действия и состояния) ¹⁹, можно предположить, что исторически в сфере глагольных слов по признаку активности ~ инактивности выделялись глаголы действия (активные), глаголы состояния ²⁰ (стативные) и, возможно, аффективные глаголы, ко-

¹⁵ Случаи совпадения субъектных показателей женского и вещного родов в таких глагольных формах являются инновацией.

¹⁶ См.: Т. И. Порогова, Образование и употребление форм числа существительных кетского языка. АКД, Томск, 1968, стр. 13—15.

¹⁷ См. о сходном явлении в шумерском: И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 62.

¹⁸ См.: А. П. Дульзон, Кетский язык, стр. 140; Е. А. Крейнович, Глагол кетского языка, стр. 9. Ср. типологически сходную параллель в шумерском языке: И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 63.

¹⁹ См.: А. П. Дульзон, Кетский язык, стр. 140; его же, Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими, «Уч. зап. Томск. ун-та», 75 — Вопросы лингвистики, 2, 1969; его же, Строение кетского глагола, ВЯ, 1970, 5; его же, Отражение древних глагольных форм состояния в урало-алтайских языках, ВЯ, 1971, 1.

²⁰ Ср. глагольные дублеты, в которых один глагол сочетается только с активными, другой только с инактивными именами: *истол⁵уйбахэт* «стол стоит», но: ¹*ду¹фын* «он (человек или существо муж. р.) стоит», ¹*о^hфын* «она (женщина или существо жен. р.) стоит».

торые не поддаются однозначной квалификации в качестве активных или стативных ²¹.

Несмотря на перестройку древней морфологической системы, сохранились, однако, следы того, что в структуре глагольных словоформ было представлено два ряда грамматических показателей, которые соотносились с активными и инактивными именами в зависимости от того, был ли соответствующий глагол глаголом действия или состояния. У активных глаголов, которые передавали различные действия и движения, был представлен ряд аффиксов, получивших в литературе название личных показателей группы Б ²²; они соотносились с активными именами, обозначающими деятеля. Другой же ряд аффиксов, условно обозначаемый теперь показателями группы Д, был, очевидно, поначалу связан с идеей пребывания актанта ситуации в определенном состоянии и, следовательно, мог соотноситься как с активными, так и с инактивными именами. В пользу выдвигаемого предположения говорят следующие факты современных кетских диалектов.

1. У некоторых активных глаголов (движения или действия), сохранивших очень архаическую парадигму спряжения, представлены именно личные показатели группы Б, например:

сым.	<i>бэаде</i>	«иду»	<i>бахыбдер</i>	«я ношу (одежду)»
	<i>куаде</i>	«ты идешь»	<i>кухыбдер</i>	«ты носишь»
	<i>эаде</i>	«он идет»	<i>ахыбдер</i>	«он носит»
	<i>уаде</i>	«она идет»	<i>ихыбдер</i>	«она носит»
	<i>длчаде</i>	«мы идем»	<i>длчхыбдер</i>	«мы носим»
	<i>кдчаде</i>	«вы идете»	<i>кдчхыбдер</i>	«вы носите»
	<i>оңаде</i>	«они идут»	<i>аңхыбдер</i>	«они носят»

2. Личные показатели группы Д обнаруживают несомненную тесную связь с предикативными аффиксами (в частности, в формах ед. числа), т. е. с аффиксами, оформляющими формы состояния субъекта действия. Ср:

сым.	<i>б'фен'н'а²ди²</i>	«я маленький»	<i>1дийфың</i>	«я пухну»
	<i>б'фен'н'а²гу²</i>	«ты маленький»	<i>1куйфың</i>	«ты пухнешь»
	<i>б'фен'н'а²да²</i>	«она маленькая»	<i>1дэйфың</i>	«она пухнет»
	<i>б'фен'н'а²ду²</i>	«он маленький»	<i>1дуйфың</i>	«он пухнет»
	<i>фен'2н'э²</i>	«это (вещь) маленькое»	<i>б'бимбафың</i>	«это пухнет» ²³

Интересно в этой связи отметить, что у носительницы языка симских кетов М. И. Латиковой личные префиксы группы Д заменяются предикативными суффиксами, например: *4и'и^h:йди* (вместо *ди4и'и^h:й*) «я ем», *4и'и^h:йку* (вместо *4ки'и^h:й*) «ты ешь», *4и'и^h:йда* (вместо *да4и'и^h:й*) «она ест» и т. д.

²¹ Ср.: Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, стр. 5—6. Используемые термины, разумеется, условны, так как к соответствующим явлениям нельзя во всех случаях подходить с точки зрения индоевропейского языкового сознания.

²² О показателях группы Б и Д см.: К. В о д а, Die Sprache der Jenissejer, стр. 98 и сл.; но в особенности: Е. А. Крейнович, О явлениях развития кетского языка от форм аналитических к формам синтетическим, сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М.—Л., 1965, стр. 284.

²³ Симской форме *фен'2н'э²* соответствует имб. *б'нхам*, в которой -м можно возводить к исконному -б- (т. е. показателю вещного рода). Что касается соответствующих показателей во мн. числе, то в глагольных формах они совпадают с показателями в ед. числе; ср. *1дийфың* «мы пухнем», *1куйфыңын* «вы пухнете», *1дуйфыңын* «они пухнут», т. е. произошла нейтрализация в отношении числа, а в предикативных формах показатели группы Д заменены показателями группы Б, возможно, в связи с общим переосмыслением показателей группы Б (подробнее об этом см. ниже).

3. Наиболее существенной является, однако, следующая особенность. Среди показателей группы Д, как правило, представлен специальный показатель вещного рода в 3-м лице ед. и мн. числа, в то время как среди показателей группы Б такового нет, и его заменяет соответствующий показатель женского рода (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Показатели группы Д (префиксы)

Число	Лицо	Первый ряд	Второй ряд
Ед. число	1-е	ди-/д-/т-	ди-/ди-
	2-е	ги-/г-/к-	ку-/ку-
	3-е	ди-/д-/т-	ду-/ду-
		м. р. ж. р. вещ. р.	дэ-/дл- би-/би-/θ
Мн. число	1-е	ди-/д-/т-	ди-/ди-
	2-е	ги-/г-/к-	ку-/ку-
	3-е	б-/θ/да-	би-/би-/θ
		вещ. р. невещ. р.	ду-/ду-

¹ В ряде случаев показатель женского рода (да-) употребляется вместо показателя вещного рода (б-), но это явно поздняя инновация (см. об этом: И. Г. Вернер. Категория рода в кетском языке, стр. 10). Подробнее о различных рядах показателей группы Б и Д см.: Е. А. Крейнович, О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка, стр. 142; его же, Глагол кетского языка, стр. 23; ср.: А. П. Дульзон, Кетский язык, стр. 205.

Таблица 2

Показатели группы Д (инфиксы)

Число	Лицо	Первый ряд	Второй ряд
Ед. число	1-е	ди-/д-/т-	-ди-/д-/т-
	2-е	-ку-/гу-/к-	-ку-/гу-/к-
	3-е	-а- (наст. вр.)	θ
		м. р. ж. р. вещ. р.	θ -б-/м-
Мн. число	1-е	-даң-	-даң-
	2-е	-каң-/гаң-	-каң-/гаң-
	3-е	-б-/м-	-б-/м-
		вещ. р. невещ. р.	-аң-

Наличие специального показателя вещного рода (б/би/м) среди показателей группы Д как раз и может свидетельствовать о том, что все эти последние поначалу соотносились с именами, которые обозначали субъект, пребывающий в определенном состоянии (стативные глаголы), причем это могли быть и активные, и инактивные имена. Кроме того, эти показатели соотносились и с объектом, который испытывал на себе действие (ср. инфиксы группы Д)²⁴. Это явление как раз и может быть сопоставлено с соответствующим выражением субъектно-объектных отношений в языках

²⁴ О появлении среди инфиксов группы Д показателей группы Б во 2 и 3-м лице мужского и женского рода ед. числа и во всех лицах мн. числа, кроме вещного рода, см. ниже.

Таблица 3

Показатели группы Б (префиксы и инфиксы)

Число	Лицо	Первый ряд	Второй ряд	Третий ряд
Ед. число	1-е	ба	ба/бо	бо
	2-е	ку	ку	ку
	3-е	а	бу	о
		и	бу	у
	вещ. р.	и/∅	∅	у
Мн. число	1-е	дааң/аң	даң/ааң	даң/ааң
	2-е	кааң/каң	каң/кааң	каң/кааң
	3-е	и/∅	∅	у
		аң	бу	оң
	вещ. р.			
	невещ. р.			

типа абхазского, но в целом оно не получило в кетском такого развития, которое бы позволило говорить о выдержанной эргативной конструкции в историческом плане и тем более — в настоящее время.

Совсем иное положение наблюдается в группе показателей Б. Отсутствие специального показателя для вещного рода говорит о том, что показатели Б по происхождению были аффиксами, которые соотносились лишь с активными именами, обозначающими деятеля, и встречались только в активных глаголах. Уже на поздней стадии развития кетского языка в связи с переосмыслением исконного значения показателей группы Б, когда и у активных глаголов появилась нужда в показателях вещного рода, роль этих последних здесь стали выполнять показатели женского рода. Примечательно, однако, что в этой роли показатели женского рода выступают нейтрально по отношению к числу: в формах мн. числа они сохраняются такими же, как в формах ед. числа.

Точно такое же расширение функций показателей женского рода наблюдается и в парадигме склонения имен: из-за отсутствия специальных падежных показателей у имен вещного рода, их функцию выполняют соответствующие показатели имен женского рода, причем в этой функции они не дифференцированы по числу (см. табл. 4).

Отсутствие специальных падежных показателей у имен вещного рода (т. е. у инактивных имен) отражает, несомненно, древнее состояние, при котором эти имена вообще не склонялись. Однако, если более пристально

Таблица 4

Падежные показатели

Падежи	Ед. число			Мн. число	
	м. р.	ж. р.	вещ. р.	невещ. р.	вещ. р.
Абсолютн.	—	—	—	—	—
Род.	-да	-ди/-т	-ди/-т	-на	-ди/-т
Дат.	-даңа	-диңа	-диңа	-наңа	-диңа
Исходн.	-даңал'	-диңал'	-динал'	-наңал'	-диңал'
Назначит.	-дата	-дита	-дита	-на́та	-дита
Местно-личн.	-даңта	-диңта	-диңта	-наңта	диңта
Местно-простран.	-ка/-га	-ка/-га	-ка/-га	-ка/-га	-ка/-га
Продольн.	-бэс'	-бэс'	-бэс'	-бэс'	-бэс'
Орудно-совм.	-ас'	-ас'	-ас'	-ас'	-ас'
Лишительн.	-ан	-ан	-ан	-ан	-ан
Зват.	-о	-А	—	-А	—

приглядеться к фактам енисейских языков, то обнаруживается, что развернутой парадигмы склонения в древности не было и у активных имен падежные показатели в большинстве случаев восходят к послелогам, а показатели падежей, начиная с дат. и кончая местно-личн., представляют собой сочетание «показатель родительного падежа + послелог». Таким образом, именно род. и абс. падежи составляли древнейшую бинарную оппозицию в склонении активных имен, на основе которой возникла более развернутая падежная парадигма.

Для выяснения природы показателя род. падежа интересно сравнить глагольные показатели группы Б с показателями местоименной парадигмы склонения.

В ед. числе показатели род. падежа личных местоимений (в настоящее время формы род. падежа личных местоимений функционируют как притяжательные местоимения) полностью совпадают с глагольными показателями группы Б (первый ряд), ср.: *аб/аба* «мой» (форма род. падежа *а-ба* от местоимения *ат* [членимого, видимо, как *а-т/а-де*]²⁵ «я»), *ук/угы* (< *угу*) «твой» (род. п. *у-гу* < *у-ку* от местоимения *у* «ты»), *буда* «его» (род. п. *бу-да* < *бу-д-а* от местоимения *бу* «он»), *буди* «ее» (род. п. *бу-ди* < *бу-д-и* от местоимения *бу* «она»).

Правда, совпадение этих двух разрядов показателей несколько осложняется за счет падежных показателей для местоимений 3-го лица ед. числа, у которых появляется *-д-*, отсутствующее у соответствующих глагольных показателей группы Б, и за счет показателей мн. числа. Однако картина проясняется при учете данных других енисейских языков, например, коттского. Элемент *-д-* в формах мужского и женского родов 3-го лица ед. числа отсутствует в коттском склонении (например, абс. п. *ији* «он», *ија* «она» — род. п. *ијий* «его», *ијай* «ее»); можно поэтому предположить, что *-д-* не имеет отношения к показателям род. п. *-а-*, *-и-* также в кетском языке. Ср. также в коттском: абс. п. *ајој* «мы», *аиој* «вы», *униај* «они», род. п. *ајојој* «нас», *аиојој* «вас», *униајој* «их». Коттские показатели род. падежа личных местоимений нетрудно возвести к соответствующим кетским показателям группы Б *даң*, *каң*, *аң* в 1, 2 и 3-м лицах мн. числа²⁶.

Из приведенных фактов можно заключить, что и показатели род. падежа, и глагольные показатели группы Б имеют единое происхождение. Они представляют собой показатели особого падежа, который принимали личные местоимения в случае их согласования с активными глаголами в качестве субъекта действия²⁷.

Правда, предложенное толкование пока имеет ограничения в связи с тем фактом, что с падежными показателями совпадают лишь показатели группы Б первого ряда, и предстоит еще выяснить различия, существовавшие между всеми тремя рядами этой группы, но тем не менее связь показателей Б с формантами род. падежа и притяжательными префиксами несомненна. Позднее глагольные показатели группы Б стали соотноситься не только с личными местоимениями, но и с активными именами, выступающими в качестве субъекта действия, т. е. с теми именами, которые могли замещаться личными местоимениями. В связи с тем, что в кетском языке и в настоящее время нет личных местоимений, которые могли бы

²⁵ Форма личного местоимения 1-го лица ед. числа *аге* отмечена Кастреном: A. M. Castren, Versuch einer jensisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, SPb., 1859, стр. 48.

²⁶ Отсутствие согласных *-д-*, *-к-* в показателях 1 и 2-го лица мн. числа *-оң* в коттском может быть объяснено так же, как отсутствие *-д-* в формах 3-го лица ед. числа.

²⁷ Интересна в этом отношении гипотеза, согласно которой глагольные показатели группы Б восходят к притяжательным, а группы Д — к личным местоимениям (см. работы Н. К. Каргера, Е. А. Крейновича, Б. А. Успенского, А. П. Дульзона, Б. А. Себреникова).

замещать имена вещного рода (инактивные), то естественно предположить, что исторически инактивные имена не могли выступать в роли субъекта действия при активных глаголах и ставиться в род. (активном) падеже. Поэтому в ходе более поздней перестройки грамматической структуры языка соответствующие показатели женского рода стали использоваться и в качестве показателей вещного рода как в группе глагольных показателей Б, так и в парадигме склонения. Это было связано с общим процессом переосмысления первоначальных функций глагольных показателей группы Б и Д в соответствии с развитием черт номинативного строя. [Не исключено, что эта тенденция в развитии была связана с длительным пребыванием праенисейского в едином языковом союзе с урало-алтайскими и индоевропейскими языками, тогда как в более ранний период он мог более тесно примыкать к ареалу древних языков Передней Азии (эламский, шумерский и др.)²⁸.]

Процесс переосмысления первоначальных функций глагольных показателей Б и Д не завершен, очевидно, полностью и в настоящее время. Факты кетского языка показывают, что показатели группы Б в ходе исторического развития языка из лично-субъектных превратились в лично-объектные, а показатели группы Д — в лично-субъектные. Это видно, во-первых, из того, что в настоящее время показатели группы Д сохранились в качестве лично-объектных только в 1-м лице ед. числа²⁹, а также в 3-м лице ед. и мн. числа вещного рода; во всех других случаях в качестве лично-объектных встречаются только показатели группы Б. Во-вторых, даже в тех случаях, где показатели группы Б можно бы рассматривать как лично-субъектные, они оттесняются на второй план префигированными лично-субъектными показателями группы Д. Ср. парадигму глагола «нести»:

<i>ди⁵-бо-ббыхэс</i>	«я несу это»	<i>ди⁵-бо-ббыне</i>	«я нес это»
<i>ди⁵-бо-гаэхэс</i>	«я несу его»	<i>ди⁵-бо-гаэне</i>	«я нес его»
<i>ди⁵-бо : хэс (< *ди-бо-гыхэс)</i>	«я несу ее»	<i>ди⁵-бо-дит'н'е</i>	«я нес ее»
<i>ди⁵-бо-аңэс</i>	«я несу их»	<i>ди⁵-бо-аңэне</i>	«я нес их» и т. д.

Таким образом, произошло полное переосмысление былых функций показателей группы Б и Д³⁰, в результате чего в роли лично-субъектных в настоящее время могут выступать только показатели группы Д, т. е. показатели, соотносившиеся раньше с субъектом состояния и объектом действия. Эта инновация, а также тот факт, что в современном кетском языке имя или местоимение, обозначающее субъект действия при любых глаголах, всегда ставится в абс. падеже (он совмещает функции номина-

²⁸ См. гипотезу Н. Л. Членовой о связи кетов с носителями карасукской культуры, которая уходит корнями к культурам древней Передней Азии (Н. Л. Членова, Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г.», Томск, 1969, стр. 145—146).

²⁹ Некоторые факты в языке сымских кетов, в частности, наличие дублетов типа *збага⁴ тэ^h:ш' / кут⁴ тэ^h:ш'* «ты воспитываешь меня», *дибага⁴ тэ^h:ш' / дут⁴ тэ^h:ш'* «он воспитывает меня» могут указывать на то, что в качестве лично-объектных показатели группы Д вытесняются и в 1-м лице ед. числа).

³⁰ Исключения составляют лишь несколько глаголов: *бо⁴де* «я иду», *бо⁴йде* «я отлетел», *ба⁴га^h: бде* «слышу», *бо⁴жы¹хы^hн'* «несет меня течением», *ба⁴йбдер* «ношу (шапку, рубашку, костюм)» и т. д. В них показатели группы Б могут рассматриваться как возвратно-объектные, особенно если переводить их как «*идусь» («прохаживаюсь»), «отделяюсь», «слышится мне», «несусь по течению» и т. д.; тогда в целом можно согласиться с точкой зрения А. П. Дульзона о том, что в современных диалектах показатели группы Б не выступают в качестве лично-субъектных (см.: А. П. Дульзон, Аффикация как метод передачи грамматических значений. Лекция по общему языкознанию, Томск, 1962; его же, Кетский язык, стр. 193, 352).

тива и аккузатива), как раз и дают основание причислять современный кетский к языкам номинативного строя.

Не указывает ли этот процесс переосмысления исконной семантики показателей Б и Д на то, что в древнейшую пору в праенисейском субъектно-объектные отношения были выражены в глагольных словоформах лишь имплицитно? Можно предположить, что вначале к активным глаголам относились в основном глаголы движения или действия, связанного с перемещением в пространстве, а другие относились к инактивным глаголам (промежуточное положение могли занимать аффективные глаголы). С развитием субъектно-объектных отношений возникают переходные формы как у активных, так и у определенной группы инактивных глаголов. Интересны в этом отношении параллели в языках древней Передней Азии, где в качестве активных определяются глаголы движения и инхотивные глаголы³¹ (ср. также кет. *багáхан* «стану», «буду» и *бата^h:х* «обернусь, стану, превращусь», имеющие инхотивное значение и употребляющиеся с показателями группы Б).

В связи с тем, что показатели род. падежа и глагольные показатели группы Б в формах ед. числа совпадают с притяжательными префиксами, возникает вопрос о наличии в древности посессивной конструкции. Кроме того, заслуживает внимания вопрос о притяжательных формах органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности.

Насколько в настоящее время позволяют судить факты кетского языка, отношения принадлежности, выражаемые в кетском как падежным оформлением, так и формами особого притяжательного (личного) склонения, выражались вначале моделями типа *об-да-фын*³² «сын отца» (буквально: «отец-его-сын»).

Энклитическое примыкание местоименного компонента *-да-* (муж. р.), *-ди-* (жен. р.), *-на-* (невещ. р. во мн. числе) к предшествующему имени-определению привело к возникновению парадигмы падежного склонения, которая позднее распространилась на сферу имени. А проклитическое слияние этих компонентов с последующим именем привело к возникновению форм так называемого притяжательного (личного) склонения имен. Наличие тех и других форм в енисейских языках до настоящего времени иногда вводит исследователей в сомнение относительно статуса род. падежа. Однако независимость форм род. падежа от форм притяжательного склонения, несмотря на полное совпадение соответствующих грамматических показателей, подтверждается как семантическими, так и грамматическими фактами. Возьмем сочетание *фын-да-фун* «сын-его-дочь». При членении *фыбда фун* оно имеет смысл «дочь сына» и согласуется с глагольной формой, имеющей показатель ед. числа субъекта (например, *фыбда фун уйде* «дочь сына пойдет»); при членении *фын дафун* оно имеет смысл «(и) сын, (и) его (собственная) дочь» или «сын (и) его (какого-то другого человека) дочь» и согласуется с глагольной формой, имеющей показатель мн. числа субъекта [например, *фын дафун эаде* «сын (и) его дочь пойдут»]. Монолитность форм типа *фыбда* «сына» подтверждается примерами типа *туда фун фыбдас* «эта дочь сына» (буквально: «эта дочь сынбвья»).

Более важно, однако, то различие между этими формами, которое существовало при их возникновении, а именно: притяжательные формы

³¹ И. М. Дьяконов, «Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока)», сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 104.

³² См.: В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, Об изучении имени в кетском, стр. 244.

личного склонения выражали принадлежность предмета определенному лицу; это склонение было характерно как для активных, так и для пассивных имен, поскольку они обозначали при этом обладаемое. Напротив, формы род. падежа выражали обладание кем-то или чем-то, а поскольку обладать чем-то или кем-то могло, по представлению древних кетов, только живое существо, то вполне естественно, что формы род. падежа были сначала характерны только для активных имен, поскольку именно они могли обозначать обладателя.

С распространением склонения на пассивные имена формы род. падежа и притяжательные формы стали выражать отношения обладания и принадлежности в более широком смысле — отношение части к целому, признака к носителю признака и т. д. Любопытны примеры типа кет. ¹у'л' «черенок», ¹а'л' «половина», которые употребляются не иначе, как в притяжательной форме ¹ду'л' ¹да'л', так как ориентированы на такое употребление самой своей семантикой — «черенок чего-то», «половина чего-то». Сходным образом можно объяснить появление притяжательного префикса *д-* у порядковых числительных (кроме числительного «первый»), например, *дынамъс* вместо *ынамъс* «второй» и т. д. С этим же связано и появление «неполносложных» композитов, которые восходят к атрибутивным словосочетаниям с формой род. падежа первого компонента.

В этом смысле можно, очевидно, говорить и о посессивном характере глагольных форм с показателями Б³³, так как в них имелось указание на принадлежность действия лицу.

Из других признаков языков активного строя, следы которых еще заметны в кетском, можно указать на следующие:

1. Отсутствуют глагольные лексемы, передающие типичные субъектно-объектные отношения, например, глаголы обладания. Имеются лишь слова именного или наречного характера, которые оформляются предикативными аффиксами: *сим*. ¹у'ш'е «есть», ¹б'с'е «нет», ³та:н «нет» (ср. *селькуп*. *т'аңгу* «нет»), ⁵былэ (<русс. *было*). Глаголы же обладания, о которых упоминает Е. А. Крейнович³⁴, могут рассматриваться как поздняя инновация, на что указывает узость и конкретность их семантики.

2. В предложении доминирует глагольная словоформа, а именные члены обычно конкретизируют различные глагольные показатели. В глагольной словоформе наблюдается поэтому тенденция к отражению в ее составе всех элементов предложения, а с этим связана и такая особенность ее, как полисинтетизм. Например: ⁵кул'иңтбы⁵рэиңын «вы-неоднократно-это-отвязывали», ⁵дур'т'б¹агет «он-меня-кушает» (буквально: «он-вода-лечь-меня-делает»).

3. Глагол и имя обнаруживают явные черты синкретизма. Хотя они взаимно дифференцированы средствами морфологии, сохраняется ряд особенностей, которые указывают на отсутствие четкой противопоставленности имени глаголу в прошлом. Эти особенности дали основание А. П. Дульзону заметить, что обычное определение глагола как части речи, которая вызывает действие или другие процессы в виде действия, например, состояние, проявление или изменение признака, для кетского языка представляется не вполне подходящим³⁵. Близость имени и глагола прослежи-

³³ Мысль о том, что в кетском могла в древности существовать посессивная конструкция, была впервые высказана И. И. Мещаниновым (см.: И. И. Мещанинов, Палеоазиатские языки, ИАН ОЛЯ, 1948, 6, стр. 509) и принята Е. А. Крейновичем (см.: Е. А. Крейнович, О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова, сб. «Проблемы сравнительной филологии», М.—Л., 1964, стр. 140—141; е го же, О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка, стр. 185).

³⁴ Е. А. Крейнович, Глагол кетского языка, стр. 139—142.

³⁵ А. П. Дульзон, Кетский язык, стр. 140.

вается, например, в использовании тождественных грамматических средств. Таковы, например, совпадения глагольных показателей группы Д с предикативными аффиксами, а показателей группы Б с падежными показателями местоимений и имени; способность форманта *-эсаң* и падежных показателей присоединяться как к имени, так и к глаголу³⁶; использование формантов *-н*, *-ң* для выражения категории числа. Следует отметить также отсутствие формальных различий между именем и инфинитивными формами глаголов, ср.: ²*и'р* «песня; петь; певчий»; ⁵*ириң* «еда; есть; съедобный» и т. д.

4. Для кетского, как и для языков активного строя, устанавливается такое состояние в прошлом, когда глагол не имел категории времени, но характеризовался наличием различных видов, которые уточняли протекание действия с качественной и количественной стороны³⁷. Важно также отметить, что из всех глагольных типов наиболее древним является тип глаголов с префиксальной структурой, при которой основа оказывается в конце слова. Другие глагольные типы в кетском представляют собой более позднюю инновацию³⁸.

5. В кетских глагольных формах наблюдается супплетивизм, связанный с выражением числа субъекта действия, ср. сим. ⁶*дијадаж* «я живу» ~ ²*ди'йы:н* «мы живем» (²*да'х* «жить»); *диг'айге* «хожу» ~ *чадаңэт* «мы ходим» (²*ка'й* «ходить»). Не исключено, что эта архаическая особенность восходит к кетскому языковому состоянию, когда у имени еще не было категории числа как таковой; по мнению А. П. Дульзона, понятие числа имени в кетском еще отчетливо связано с понятием класса, а показатели мн. числа *-н*, *-ң* восходят соответственно к классным показателям совокупности одушевленного множества и собирательности предметов³⁹.

Таким образом, если современный кетский язык, хотя и с известными оговорками, следует причислять к языкам номинативного строя, то вышеперечисленные особенности отдаленно напоминают о состоянии, сходном с активным строем языка. Едва ли следует при этом думать, что кетский язык непременно должен был пройти в своем развитии и стадию эргативного строя. Сохранение черт, напоминающих активный строй, говорит о том, что в процессе перестройки древнего языкового типа черты, характерные для выдержанного эргативного строя, не нашли в кетском широко, го распространения и, наоборот, постепенно возобладали те тенденции в развитии, которые обусловили появление черт номинативного строя.

³⁶ См. об этом: М. Н. В а л л, О некоторых функциях *-эс'аң* в функции падежного аффикса в кетском языке, «Уч. зап. [Омск. пед. ин-та]», 52 — Вопросы филологии, 1969, стр. 167; е е ж е, О случаях оформления аффиксами падежей личных форм кетского глагола, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», стр. 96—98.

³⁷ См.: Е. А. К р е й н о в и ч, Глагол кетского языка, стр. 16.

³⁸ См.: там же, стр. 280.

³⁹ А. П. Д у л ь з о н, Происхождение алтайских показателей множественного числа, «Советская тюркология», 1972, 2, стр. 4—5.